

О НАРРАТИВНОЙ СТРУКТУРЕ ЛИТОВСКИХ ЗАГОВОРОВ

Заговоры — это особый фольклорный жанр, в котором пересекаются фольклор и этнология, слово и действие, рациональность и магия. Только разностороннее исследование заговорного текста и контекста поможет приоткрыть тайну действенности заговоров.

Объектом данной статьи является отношение слова и действия в литовских лечебных заговорах. Действие в заговорах происходит на двух уровнях: прагматическом (действия заговаривающего — движения рук, хождение, использование предметов и т. д.) и вербальном (отражение действия в тексте заговора). Иногда эти два уровня синхронизированы, например, при лечении грыжи ее рубят топором, а в заговорной формуле это действие вербализуется: — *Ką kerti?*— *Grižq!* ‘— Что рубишь? — Грыжу!’ [LMD I 991(1)]. В статье основное внимание будет уделено вербальному аспекту действия, который может существовать отдельно от прагматического окружения, потому что довольно часто заговаривающий использует только текст и не выполняет никаких соответствующих тексту действий. Попытаемся объяснить, какие черты нарративной структуры свойственны литовским лечебным заговорам.

Исследование проводилось в 1992–2002 гг. в Институте литовской литературы и фольклора при подготовке компьютерного банка данных литовских заговоров (в настоящее время он включает в себя около 1400 заговорных текстов) и работе над их системным изданием. По предварительным данным, число зарегистрированных заговоров составляет около $\frac{4}{5}$ от всех до настоящего времени записанных, которые были опубликованы в научных и популярных изданиях или хранятся в рукописном отделе Института литовской литературы и фольклора. Из всех заговоров около 1200 — лечебные.

Большинство литовских лечебных заговоров — это нарративные тексты, в которых преобладает действие, и только малая их часть с точки зрения нарративности остается на периферии (наименование святых и профанных объектов, неопределенная интенциональность и т. д.). Попытаемся определить их нарративную структуру, которая частично совпадает со структурой других нарративных жанров (сказок, сказаний), но обладает и особыми чертами. Цель нашей работы — не описать риторические и стилистические средства, которые обеспечивают действенность заговора (например, аналогия между двумя предметами, сужение и расширение пространства и т. д.), а выявить общие, фундаментальные нарративные тенденции в литовских заговорах.

Основное методологическое средство — семиотическое описание нарративности текста. По мнению парижской семиотической школы, которую наиболее ярко представляют работы А. Й. Греймаса¹, основанием нарративности является *трансформация*, то есть инверсия содержания или смысла, во время которой происходит пере-

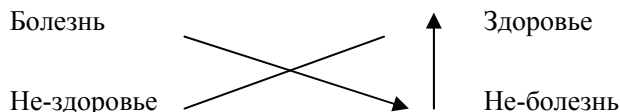
¹ Greimas A. J. *Sémantique structurale: Recherche de méthode*. Paris, 1966; Greimas A. J. *Du sens: essais sémiotiques*. Paris, 1970; Greimas A. J., Courtés J. *Sémiotique, dictionnaire raisonné de la théorie du langage*. Paris, 1979. Vol. 1. Paris, 1986. Vol. 2.

ход от одного члена семантической оппозиции к другому (например, от природы к культуре, от смерти к жизни и т. д.). Позитивный (желательный) аспект содержания текста представляет собой *ценностный объект*, который может выступать в тексте как ценный предмет, желательный человек, эмоциональное состояние, которого стремятся достичь, и т. д. В заговорах ценностный объект легко идентифицируется: это здоровье. На другом полюсе бинарной оппозиции, разумеется, остается болезнь. Заговорные тексты можно воспринимать как реализованные или потенциальные трансформации, во время которых меняется состояние субъекта (больного). Начальная ситуация заговора выглядит так: субъект крепко связан с болезнью (и нуждается в здоровье). Финальная ситуация: субъект отделен от болезни (и связан со здоровьем):

$$S \wedge O_{neg} \vee O_{poz} \rightarrow S \vee O_{poz} \wedge O_{neg}$$

S — субъект (больной); O_{neg} — анти-ценностный объект (негативный объект); O_{poz} — ценностный объект (позитивный объект), $\wedge$ — конъюнкция, $\vee$ — дизъюнкция.

Здоровье и болезнь можно формализовать как два объекта с противоположным содержанием: *ценностный объект* и *анти-ценностный объект*. Субъект заговора (больной) по своей связи с ценностными объектами может находиться в любой из фаз четырехчленной модели семиотических членов (семиотического квадрата):

Движение от одного полюса к другому является основанием нарративной структуры заговора. Однако цель заговора — позитивная трансформация: от болезни к здоровью. Теоретически субъект имеет возможность во время заговаривания пройти через все четыре фазы:

$$(1) \text{ болезнь} \rightarrow (2) \text{ не-здоровье} \rightarrow (3) \text{ не-болезнь} \rightarrow (4) \text{ здоровье}$$

1. *Болезнь*. В начальной ситуации субъект крепко связан с болезнью (которая в заговорах часто воспринимается как живое существо, приставшее к человеку).
2. *Не-здоровье*. Субъект, потерявший здоровье (в литовской мифологии здоровье воспринимается как феномен, который может существовать и отдельно от человека, поэтому, например, чихнувшему говорят «Будь здоров!» — чтобы вылетевшее с воздухом здоровье вернулось обратно в тело; если кто-то похищает здоровье, человек слабеет и умирает²).

² См.: Greimas A. J. Tautos atminties beieškant: Apie dievus ir žmones. Vilnius; Chicago, 1990. P. 157. Фаза не-здоровья репрезентируется и в таких заговорах, в которых говорится не о болезни, а только о нарушении интегральности тела, например, вывих, кровотечение и т. д. Возвращение органов тела на место создает предпосылки для нормального функционирования тела и возвращения здоровья.

3. *Не-болезнь*. Субъект отделяется от болезни.

4. *Здоровье*. Субъект возвращает (получает) здоровье.

В литовских заговорах все четыре состояния субъекта никогда не используются в одном тексте. Чаще всего избирается одна ось (*болезнь* — *не-болезнь* или *не-здоровье* — *здоровье*). Например, говорится только о болезни и ее устранении:

Paukštelis be pieno, akmuo be žiedo, unduo be sparno. Teip tu (liga) prapulka, pražūk unt imžiu atžinijū. Amen ‘Птичка без молока, камень без цветка, вода без крыла. Так ты (болезнь) пропади, погибни на веки вечные. Аминь’ [NS 1455].

Реже говорится о синхронном процессе, направленном на избавление от болезни и получение здоровья:

Mumine žemine, atimk savo zjadų, atduok margai karvei (Jonui ar Onai) sveikatų. (Nuo gyvatės įkandimo) ‘Мумине (= немая), землистая, забери свой яд, отдай пестрой корове (Йонасу или Оне) здоровье. (От укуса змеи)’ [LTR 6258(49)].

Žala karvė gimė — juoda žemė pasiėmė. Kas bloga pasiimk, kas gera atiduok! (Nuo gyvatės įkandimo) ‘Буря корова родилась — черная земля взяла. Что плохое — возьми, что хорошее — отдай! (От укуса змеи)’ [LTR 339(110)].

В литовских заговорах редко акцентируется позитивный ценностный объект, здоровье. Таких заговоров очень мало, и они ближе к молитвам, с которыми обращаются к богам и просят различных благ, а не к заговорам, например:

<i>Mėnuo, mėnuo, mėnulėli,</i>	Месяц, месяц, месяцечек,
<i>Dungaus šviesus dievaitėli!</i>	Светлый небесный боженька,
<i>Duok jam ratų, man sveikatų,</i>	Дай ему (полный) круг, мне здоровье,
<i>Duok jam pilnystį — man Perkūno karalystį!</i>	Дай ему полноту — мне королевство Перкунаса!

[LTR 2088(275)].

Ср. записанную в XVIII в. молитву к богине земли Жяминеле:

Tirštas krūms, dirma (?) rasa! Brandžią varpą, Žemynėle Žiedkėle! Išlaikyk sveikatoje ir gėrybėje! Žegnok valgomus, geriamus, sėjamus, akėjamus ant šios Žemynėlės Žiedkėlės pasidžiaugti[s]! Apsėgėk nuo alkano žvėries! ‘Густой куст, dirma (?) роса! Зрелый колос, Жяминеле (богиня земли. — Д. В.) Жедкеле (дословно ‘поднимающая цветы’)! Содержи в здоровье и благодати! Благослови то, что едят, пьют, сеют, боронят, чтобы порадоваться на Жяминеле Жедкеле! Охрани от голодного зверя!’.

Основная нарративная трансформация, определяющая переход от болезни к здоровью, реализуется двумя основными способами. Первая, чаще всего используемая возможность лечения — *отделение* негативного ценностного объекта (болезни) от человека, устранение связи между больным и болезнью (или, с противоположной стороны, удержание позитивного ценностного объекта — здоровья — и сохранение интегральности тела). Другая возможность лечения — не просто разрыв связи между больным и болезнью, а *уничтожение* самого негативного ценностного объекта.

Попытаемся подробнее исследовать данные способы нарративной трансформации — *отделение/соединение* и *уничтожение*. Структуру большинства литовских заговоров составляет классическая нарративная трансформация, во время которой субъект отделяется от не-ценного (вредоносного) объекта (или субъекта, если болезнь воспринимается как мифологическое существо) или устанавливает связь с ценным объектом. В литовских заговорах можно выделить пять вариантов классической семиотической трансформации.

Болезнь только отделяется от больного, но ничего не говорится о ее дальнейшей судьбе и новом месте пребывания. При этом разрушается связь между больным и болезнью, ограничивается пространство человека и болезни и т. д. При произнесении таких заговоров заговаривающий иногда использует или хотя бы упоминает в тексте предметы, которыми режут, колот, рубят и т. д.

«*Ką čia kerti?*» «*Grižą kertu*» «*Ar atkirsi?*» «*Atkirsiu*» (*Nuo grižo*) ‘«Что тут рубишь?» «Грыжу рублю» «А отрубишь?» «Отрублю». (От грыжи)’ [MLZ 140].

Kad vaikas greičiau pradėt vaikščiot, išimt iš stovės ir, aštrum peiliu režus grindysna kryžiu, tart: «Šitai perpjauņu pančius!» ‘Чтобы ребенок быстрее начал ходить, вынуть из стойки и острым ножом крестом резать пол, говоря: «Так разрезаю пути!»’ [CiDB 50].

*Du ewiger Goth, wie der winth die porcken vom tzaun abgeweheth, ader abgeriessen, also wolstu diesen menschen, die felh von augen abreissen*³ ‘Ты, превечный Боже, как ветер срывает с крыши кору, так и ты сорви с этого человека с глаз пелену! (От нарушений зрения)’.

Aktuo be krauja, šventa dvasia be grieko, tegu būna ta žaizda Petru be skausmo ir be kraujo. (Kraujui sulaikyti) ‘Камень без крови, святой дух без греха, пусть будет эта рана Петру без боли и без крови. (Для остановки кровотечения)’ [LTR 5435(107)].

Болезнь не только отделяется от больного, но и изгоняется в другое пространство; при этом часто указывается, куда именно ее отсылают. Если сравнить с 1-м вариантом, видно, что здесь совершается переход от статики к динамике.

Rože, rože, išeik iš ito daikto, kad saule iššviestų ir rožė nubegtų in undenio. Žadėč aždadėč, kad mano mačytų! (*Nuo rožės*) ‘Роза, роза, уходи с этого места, чтобы солнце высветило и роза убежала в воду. Обещать пообещать, чтобы мое помогло! (От рожж)’ [LMD I 940(44)].

Žemė žemybė, ant tos žemės kirmelė, ant tos kirmelės geluonis, ant to geluonio tručizna (nuodai). Vardan Dievo Tėvo ir Sūnaus ir Dvasios Šventosios — tručizna, eik į geluonį, geluonis, eik į kirmelę, kirmelė, lįsk į žemę žemybę! Amen. (Nuo gyvatės įkandimo) ‘Земля землица, на той земле червяк, на том червяке жало, на том жале яд. Во имя Отца, и Сына, и Святого Духа — яд, иди в жало, жало, иди в червяка, червяк, лезь в землю землицу! Аминь. (От укуса змеи)’ [LTR 1048(135)].

Jūs roganos, jūs podlos, aš jum nekenčiu, ko jūs čia dabar atsirodot unt mono runkų (arba kojų). Eikin bolon, eikit Puzinan (Šimonių apyl. ežeras), eikit šalin! (*Nuo karpų*) ‘Вы ведьмы,

³ Das Verhör von Anna Narkuven und Catharina Geilawen aus der Stadt Tilsit im Herzogtum Preussen, die der Hexerei beschuldigt werden den (1559–1560) // *Baltų religijos ir mitologijos šaltiniai 2*. XVI amžius. Vilnius, 2001. С. 215.

вы подлые, я вас ненавижу, что вы тут сейчас появились на моих руках (или ногах). Идите в болота, идите в Пузинас (озеро в местечке Шимоняй), идите вон! (От бородавоч) [DIKS, ст. 424].

Динамический аспект используется не для отделения *негативного объекта*, а наоборот, для возвращения на место *позитивного объекта*, возможность или необходимость двигаться, изменить состояние. Примеры:

Kaulelis, iššokęs iš savo vietos, atgal, kaule, į savo vietą, kur Dievs tave sutvėręs. Ai, Jezau! Ai, Jezau! Aš ištraukiu visus skausmus par erškečių karūną, par dagilių krūmą, aš traukiu visus skausmus par akmenį, teslūgstie tynis, tevėstie karštis. Aš noriu gelbėti NN prie pirmos sveikatos. (Nuo kaulo išnėrimo) ‘Косточка, выскочившая из своего места, назад, кость, на свое место, где Бог тебя создал. Ай, Иисусе, ай, Иисусе! Я вынимаю все боли через терновую корону, через куст чертополоха, я вынимаю все боли через камень. Пусть спадает опухоль, пусть остывает жар. Я хочу спасти NN до первого здоровья. (От вывиха)’ [LMD I 1063(63)].

Gumbas turi savo dvarą. Išsikačiok, išsivaliok ir in daikto atsistok. (Nuo gumbo) ‘Шишка (гумбас) имеет свой двор. Выкачайся, вываляйся и на место встань. (От опухоли, шишки)’ [LMD I 945(6)].

In panelį keliaunyki, kad paskubėtų gimdymą! (Gimdymui palengvinti.) ‘К девице страннице, чтобы поторопились роды! (Для облегчения родов.)’ [MLZ 163].

Остановка: в отличие от 2 и 3-го вариантов, нарративная трансформация представляет собой стабилизацию — остановку нежелательного процесса. Если движущийся объект (субъект) является позитивной ценностью (например, кровь, вытекающая из раны), цель заговаривания — помешать ей отделиться от человека; если движущийся объект (субъект) представляет собой негативную ценность (например, змея, собирающаяся укусить), то цель заговора будет заключаться в том, чтобы не дать ей двигаться.

Обычно в литовских заговорах останавливают следующие негативные процессы:

а) Процесс физических изменений (останавливается кровотечение, движение «поднявшейся» опухоли):

Kaip upelė bėgdama bėgus sustoja, kad taip mano kraujelis sustotų bėgęs! ‘Как бегущая речка пробега остановливается, так бы и моя бегущая кровушка остановилась!’ [MLZ 35].

Močiute, močiute, gražioji mergele, nusiprausk, apsistok, atsigulk! Pilkieji akmenys, baltosios šaknys. Amen, amen, amen ‘Матушка, матушка, красивая девушка, умойся, остановись, ляг! Серые камешки, белые коренья. Аминь, аминь, аминь’ [LMD I 275(5)].

б) прогрессирование болезни:

Da Jurija, Jurija, apstanavyj vėju, apstanavyj itų kvarabų ‘Да Юрия, Юрия, останавливающий ветер, останови эту хворобу’ [LMD I 274(22)].

Mūsų Jezus Kristus Išganytojas turėjo daug žėizdų ir skaudulių (ronų ir sopulių), bet jos visos jam nekenkė (neškadija). Taip ir šis (čia reikia sakyti «votis» arba «skaudulys») neaugs, nekils, netins ir nedidės! Pranyk, pranyk, pranyk, Janošius! ‘У нашего Иисуса Христа Спасителя было много ран и нарывов, но все они ему не вредили. Так и этот (здесь надо го-

ворить «чирей» или «нарыв») не будет расти, не будет подниматься, не будет распухать и увеличиваться. Исчезни, исчезни, исчезни, Яношюс!» [LTR 1276(21)].

в) симптомы болезни (напр., боль):

Meneselis danguje, drūtas qžuolas ant žemes, o didžiuvis vandeny. Kad tie trys broliai susieis į vieną vietą, tai tada tarnui Dievo [sakomas ligonio vardas] skaudes dantys! ‘Месяц на небе, крепкий дуб на земле, а великая рыба в воде. Когда эти три брата сойдутся в одном месте, тогда у раба Божьего [говорится имя больного] будут болеть зубы!’ [LMD I 1063(360)].

г) деятельность вредоносного субъекта или вредное воздействие (змея не может укусить или ее яд не опасен):

Jezau, kaip šitas akmuo užniemis, tegul bus jos gyluonis užniemis! (Reikia kalbant koją laikyti ant akmens basą) ‘Иисусе, как этот камень онемевший, пусть будет ее жало онемевшее! (Говорить, держа босую ногу на камне)’ [LTR 6166(107)].

Saulė — saulės, mėnuo — mėno, kirmele — kirmelės. Vaikščio po rasų. Kad vaikščio, te vaikščio, juodam plaukui (sakoma gyvulio spalva) tegul nevodyja, nevodyja neiškadyja ‘Солнце — солнца, месяц — месяца, червь — червем. Ходил по росе. Что ходил, пусть ходит, черному волосу (говорится цвет животного) пусть не вредит, не вредит, не шкодит’ [LMD I 940(28)].

Негативный объект (болезнь) отделяется от больного и передается другому адресату — человеку, мифическому персонажу, святому, животному, растению и т. д. Иногда болезнь просто возвращается предыдущему адресату или владельцу, иногда обменивается на ценный объект:

Skragžde, te tau margumas, duok man baltumų! (Nuo strazdanų) ‘Ласточка, вот тебе пестрота, дай мне белизну! (От веснушек)’ [LTR 840(150–5)].

Gelaž, gelaž, gelažin, ką indėjai, tą išimk. (Nuo gyvatės įkandimo) ‘Железная, железная, железная, что вложила, то возьми. (От укуса змеи)’ [LTR 4131(3)].

Jeigu dantį skauda, tai nueik į kapus. Nusilaužk geležinio vainiko lapelį ir tark: «Tau (vardas ir pavardė) vargti nebereikia, atimk iš manęs mano kančias!» ‘Если болит зуб, то пойдй на кладбище. Отломи листочек от железного венка и говори: «Тебе (имя и фамилия) мучиться не надо, возьми от меня мои муки!»’ [LTR 2284(287)].

Jei turi norikaulį ir pamatai du jojanč ant vieno arklio, tai reikia paklaust: — Ar jūs dviese jokat? Ir kai atsakys «acha», tada sakyt: — Priimkit ir mano norikaulį trečią! Tai tau buvęs norikaulis pranyks, o jam kuriam nors atsiras ‘Если у тебя нарост (букв. «навья кость») и увидишь двух седоков на одной лошади, так надо спросить: — А вы вдвоем едете? И когда они ответят «ага», тогда говорить: — Возьмите и мой нарост третьим! Тогда твой нарост исчезнет, а у кого-то из них появится’ [McP, ст. 197].

Все указанные варианты нарративных структур представляют основную нарративную тенденцию литовских заговоров — разрушить связь субъекта с негативным ценностным объектом и связать его с позитивным ценностным объектом. Заговоры, обладающие такой структурой, составляют большую часть литовских лечебных заговоров (около 79%), поэтому ее можно считать преобладающей.

Вторая модель нарративной трансформации характеризуется не уничтожением связи между субъектом и анти-ценностным объектом, а *уничтожением* негативного объекта. Очевидно, что при уничтожении объекта исчезают и все нежелательные связи между больным и болезнью. Вот несколько примеров, в которых говорится об уничтожении негативного объекта (болезни):

Kaip naktis dyla, kaip diena dyla ir kaip šita šaka džiūsta, tegul ir ta dedervinė išdžiūsta! (*Nuo dedervinės*) ‘Как ночь исчезает, как день исчезает и как эта ветка сохнет, пусть и этот лишай высохнет! (От лишая)’ [LTR 6992(240)].

Liga ligėlė, korva karvala. Buvo margas vilkas — biasas nusmaugė. Kad ir tau, ligėl, biasas nusmaugtų! (*Nuo gyvatės įkandimo*) ‘Болезнь болезенка, корова коровка. Был пестрый волк — бес задушил. Чтобы и тебя, болезенка, бес задушил! (От укуса змеи)’ [EIPG, ст. 169].

Tyra tyra yr dūšele! Pono Dievo angelas šią ligą parplėš, Perkūnas nuspirs, išdils kai delčius menuo, sudžius kai liekno švendre, aaa, aaa, aaa. Dieve aukščiausias, būk šičia! (*Nuo visų ligų*) ‘Чистая, чистая душа! Ангел Господа Бога эту болезнь разорвет, Перкунас оттолкнет, сотрется, как старый месяц, засохнет, как стройный тростник. Ааа, ааа, ааа. Боже всевышний, будь здесь! (От всех болезней)’ [LMD I 1063(55)].

Некоторые из этих заговоров представляют собой только попытку (серьезную или воображаемую) уничтожить болезнь, стараясь ее напугать, например:

Aš ejau par žalią žolę ir matau gilų šulnį. Aš tave noriu — tave, tą dantį, noriu prigrindyti ir nugramzdinti, kad tu man daugiaus nebeskaudetum! (*Nuo danties skausmo*) ‘Я шел через зеленый лес и вижу глубокий колодец. Я тебя хочу, тебя, тот зуб, хочу утопить и пустить ко дну, чтобы ты у меня больше не болел! (От зубной боли)’ [LMD I 1063(90)].

Žaguli, žaguli, eikiau auto skalbt — tu nuskęsi, aš paliksiu! (*Nuo žagsėjimo*) ‘Икота, икота, пошли портянки стирать — ты утонешь, я останусь! (От икоты)’ [BLF, ст. 74].

Darydavo taip: su pjautuvu aplink vedžiodama (smaigaliu) skaudančios vietos, kalbėjo sekanti užkalbėjimą: «Pjoviau miežius, pjoviau kviečius, pjoviau vasarojū, pjausiu ir tau, liga! Pasikark tu ant sausas šakas!» (*Nuo įvairių ligų*) ‘Делали так: серпом (острием) водили вокруг больного места и говорили следующий заговор: «Жал ячмень, жал пшеницу, жал яровые, буду жать и тебя, болезнь! Повесься ты на сухой ветке!» (От разных болезней)’ [LTR 1948(230)].

Заговоры, обладающие такой структурой, в сущности являются промежуточными между текстами, в которых выявляются две рассмотренные нарративные тенденции: хотя в них содержатся угрозы уничтожить болезнь, они представляют собой только средство напугать болезнь и изгнать ее из человеческого тела.

Две рассмотренные структурные модели — отделение болезни (5 вариантов) и ее уничтожение — отражают основные нарративные возможности литовских заговоров. Однако существуют заговоры и другого плана — не имеющие полной нарративной структуры. В них нет нарративной трансформации, то есть действия, которое изменило бы отношения субъекта и объекта (больного и болезни). С точки зрения семиотического синтаксиса эти тексты свидетельствуют о соответствующей компетенции (знании, умении и возможности действовать), которой обладает сам заговаривающий или его помощники — мифические или христианские персонажи. По это-

му признаку — кто является компетентной личностью — сам заговаривающий или его помощники — можно выделить две «ненарративные» заговорные модели.

Заговоры, в которых главную роль играет компетенция заговаривающего — его знания и действия. Например, компетентный заговаривающий может вылечить болезнь, только назвав ее саму или способ ее выражения.

Tu karalienė liepsnota! (Nuo gyvatės įkandimo) ‘Ты королева пламенная! (От укуса змеи)’ [MLZ 80].

Tfu, tfu, tfu, vilkas akį priteršė! (Nuo krislo) ‘Тьфу, тьфу, тьфу, волк глаз запачкал! (От соринки в глазу)’ [LMD I 211a(91)].

Žuvėda, pelėda, mane kartėlis ėda! (Nuo rėmens) ‘Рыбодка, сова [букв. мышеедка], меня изжога ест. (От изжоги)’ [LTR 599(334a)].

Вариант заговоров подобного типа — наименование действий самого заговаривающего. Например:

Čia aš apkabinu tą baltą, melyną ir raudoną rožę. (Juodą vilną išpešiojus apdėti ir dvidešimt keturias valandas laikyti). (Nuo rožės) ‘Здесь я обнимаю ту белую, синюю и красную розу. (Распушить черную шерсть, обложить [больное место] и двадцать четыре часа держать). (От рожи)’ [LMD I 1063(48)].

Pjūvis pjūvį sveikina, trinu trinu sutrinu, trasu, trasu, sutrasu. (Nuo kraujo tekėjimo) ‘Жнец жнеца приветствует, тру, тру — стираю, трясу, трясу — сотрясаю. (От кровотечения)’ [LTR 507(30–6)].

Другую модель «ненарративных» заговоров представляют тексты, в которых говорится о врачебной компетенции *помощника* — мифологического или христианского персонажа. Иногда его просят помочь, однако не указываются виды помощи (в отличие от ранее представленных групп нарративных заговоров). Например:

Saula, mėnuli ir žvaigždelas, padėk Antoną ažkalbėt nuo parūšenijos! (Nuo trūkio) ‘Солнце, месяц и звезды, помогите Антона заговорить от грыжи! (От грыжи)’ [LTR 4227(49)].

Иногда только указывается особый персонаж, его сила или место в структуре мира. Например:

Žema žemynela, un pirkeles upele, un tos upeles aniolas švintasiai. (Nuo gyvatės įkandimo) ‘Земля землица, на избушке речка, на той речке ангел святой. (От укуса змеи)’ [LMD I 942(11)].

Graudzia grausmas, žaibai žaibuoja, krenta rūdzes, žaidai byra, Dievo žodžio niekas negal pergalet, nereikia nieka bijac, nie kokių akių, ni kokių padijų (padvyjimų) — nei pilkų, nei juodų, nei melynų, nei rudų. (Nuo akių) ‘Гремит гром, молнии сверкают, падает ржавчина, печи сыпятся, божье слово никто не может преодолеть. Не надо ничего бояться — ни каких-то глаз, ни каких-то дел — ни серых, ни черных, ни синих, ни карих. (От сглаза)’ [LMD I 943(14)].

*Švinta Marija, pristok!
Plaukė ilgauodegė par marias.*

Святая Мария, прибудь.
Плыла длиннохвостая по морю.

Švinta Marija nemėga.
Juodas plaukas nemėga.
Mano vardas nemėga.

Святая Мария ненавидела.
 Черный волос ненавидел.
 Мое имя ненавидело.

[LTR 3863(86)].

В таких текстах выявляются контуры некоторых мифологических персонажей, черты мифологического структурирования мира, потому что в этих заговорах обращаются к персонажам, обладающим сверхчеловеческими силами, к их врожденной компетенции. В данную нарративную группу входит большое количество заговоров христианского содержания, в которых говорится о действиях Марии, Иисуса, святых против «демонов» болезни, например:

Velnio galybė tave apšėdo, o Dievo ranka išgelbės! (Kai karvę užkeri) ‘Сила черта тебя обхватила, а Божья рука спасет! (Когда корову заговариваешь)’ [BILMM 537].

Vienas sudyvijo, trys atadyvijo — Dievas tėvas, Dievo sūnus, Dievo dvasia švinta. (Nuo akių) ‘Один завидует, три отвидуют — Бог Отец, Бог Сын, Бог Дух святой. (От сглаза)’ [LTR 3863(177)].

Однако встречаются и явно нехристианские тексты, напр.:

Jeigu šventas nepadės, tegu nešventas padeda! (Nuo rožės) ‘Если святой не поможет, пусть несвятой помогает. (От рожи)’ [LTR 4434(27)].

Возможно, что часть заговоров, обладающих неполной нарративной структурой, сохранилась только в виде фрагментов, или были записаны как фрагменты более крупных текстов, в которых упоминались действия. Было замечено, что такие элементы «ненарративных» заговоров, в которых показана компетенция заговаривающего или его помощника, можно найти во всех остальных группах заговоров, но там эти элементы находятся на втором плане.

Обобщая представленный анализ нарративной структуры литовских заговоров, необходимо подчеркнуть, что он является теоретическим инструментом, позволяющим установить нарративные тенденции заговоров. В конкретных заговорных текстах можно найти сочетания разных моделей и их вариантов. Даже варианты, принадлежащие одному структурно-семантическому типу, могут обладать разными нарративными элементами. Однако целью данной статьи было не представить весь массив литовских заговоров в виде закрытых таблиц — это просто невозможно сделать, учитывая переплетающиеся мотивы, — а установить и обобщить основные нарративные элементы, из которых конструируется многообразие литовских заговоров. Оказалось, что литовские лечебные заговоры, которых не так уж много (по сравнению с латышскими заговорами, которых записано около 55 000, хотя не только лечебных), с точки зрения нарративного синтаксиса, обладают довольно ограниченным нарративным арсеналом. Однако нарративную ограниченность литовских заговоров компенсирует большое семантическое разнообразие (заговорные мотивы) и широкое использование стилистических, поэтических и риторических средств.

ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

- BLF — Litauische Forschungen // Beiträge zur Kenntnis der Sprache und des Volkstumes der Litauer, Von Adalbert Bezzenberger. Göttingen, 1882.
- BILMM — *Balys J. Liaudies magija ir medicina* // Lietuvių tautosakos lobynas. 2. Bloomington, Indiana, 1951.
- CiDB — *Cicėnas J. Vilniaus tautosaka. Daugėliškiniai burtai*. Vilnius, 1934.
- DIKS — *Dulaitienė (Glemžaitė) E. KUPIŠKĖŲ SENOVĖ, etnografija ir tautosaka*. Vilnius, 1958.
- EIPG — *Elisonas J. «Pantinė gyvatė (Vipera berus)»* // Kosmos, 1930. P. 155–181.
- LMD — Lietuvių mokslo draugijos rankraščiai (Собрание рукописей Общества литовской науки в Институте литовской литературы и фольклора).
- LTR — Lietuvių literatūros ir tautosakos instituto Lietuvių tautosakos rankraštynas (Архив литовского фольклора в Институте литовской литературы и фольклора).
- McP — *Marcinkevičienė N. Pavarėnis*. Vilnius, 1998.
- MLZ — *Mansikka V. J. Litauische Zaubersprüche* // FF Communications. Helsinki, 1929, №. 87.
- NS — Lietuvių dainos ir giesmės šiaur-rytinėje Lietuvoje, Dr. A. R. Niemi ir Kun. A. Sabaliausko surinktos. Suomalaine Tiedeakatemia, 1911.